

Социальная сеть и нейросеть как субъекты культурогенеза сетевой культуры

Илья Игоревич Докучаев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, ilya_dokuchaev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются субъекты культурогенеза современного культурно-исторического типа – сетевой культуры: социальная сеть и нейросеть. Показано, что наряду с двумя другими типологическими критериями – принципом культурогенеза (спонтанным ростом сетевых артефактов) и основным морфологическим результатом культурогенеза (глобальным перформансом и виртуальной реальностью) субъект культурогенеза сетевой культуры становится показателем возникновения совершенно нового культурно-исторического типа, который приходит не только на смену культуре Постмодернизма, но и на смену креативной культуре, существовавшей в мире со времен эпохи Возрождения, и на смену более ранней форме культуры – традиционной культуре, которая ещё сохраняется в отдельных регионах Земли. Продемонстрированы ключевые сходства и различия субъектов сетевой культуры, их безличный характер, а также спонтанность формирования структуры социальной сети и тотальность нейросети и искусственного интеллекта, способного к обучению.

Ключевые слова: социальная сеть, нейросеть, сетевая культура, спонтанный культурогенез, виртуальная реальность, глобальный перформанс

Для цитирования: Докучаев И. И. Социальная сеть и нейросеть как субъекты культурогенеза сетевой культуры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 3. С. 11–20.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/11-20>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/11-20>

Social network and neural network as subjects of culturogenesis of network culture

Ilya I. Dokuchaev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, ilya_dokuchaev@mail.ru

Abstract. The article examines the subjects of cultural genesis of the modern cultural-historical type – network culture: social network and neural network. It is shown that along with two other typological criteria – the principle of cultural genesis (spontaneous growth of network artifacts) and the main morphological result of cultural genesis (global performance and virtual reality) – the subject of cultural genesis of network culture becomes an indicator of the emergence of a completely new cultural and historical type, which comes not only to replace the culture of Postmodernism, but also to replace the creative culture that existed in the world since the Renaissance, and to replace an earlier form of culture – traditional culture, which still survives in certain regions of the Earth. The key similarities and differences of the subjects of network culture, their impersonal nature, as well as the spontaneity of the formation of the structure of the social network and the totality of the neural network and artificial intelligence capable of learning are demonstrated.

Key words: social network, neural network, network culture, spontaneous cultural genesis, virtual reality, global performance

For citation: Dokuchaev I. I. Social network and neural network as subjects of culturogenesis of network culture // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 11–20.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-3/11-20>

Сетевое общество и сетевой человек

Субъект сетевой культуры – социальная сеть. То есть именно она создает все её артефакты, социальное и персональное срастаются и образуют особое сущее, не встречавшееся ранее среди субъектов культурогенеза традиционной и креативной культуры.

Чтобы прояснить этот тезис, следует вернуться к понятию субъекта и рассмотреть ту трансформацию, которая с ним произошла в ходе истории философии и культуры. В философии Аристотеля вопрос о субъекте ставился в онтологическом и логико-лингвистическом дискурсе. Последний был основным. Именно структура высказывания оказалась моделью, на основании которой была выстроена онтология, предполагавшая классификацию сущего и определение его наиболее общих (максимально объемных) родов. Подлежащее как то, в высказывании, о чём идёт речь, и сказуемое, как то в высказывании, что характеризует подлежащее, – два ключевых элемента, послуживших основанием классификации сущего. Всё сущее оказалось разделено на два главных региона: субстанции и акциденции. В порядке высказывания субъект, или подлежащее, есть то же, что в порядке сущего – сущность, или субстанция. А сказуемое в порядке сущего – различные акцидентальные категории, которых Аристотель насчитывает девять (качество, количество, место, время, действие, претерпевание, обладание, положение и отношение) [1]. Можно говорить о том, что все акциденции представляют собой функции, демонстрирующие по-

ложение сущего в мире, его отношения с другими сущими, осуществляющиеся в форме классификаций, на которые указывают свойства сущего (количество, качество, место и время), и в форме связей, на которые указывают действия, претерпевания, переходности, непереходности и отношения. Классификация акциденций, полученная Аристотелем в ходе анализа категорий греческого языка, как это показал Э. Бенвенист [3], конечно, совершенно недостаточна для решения поставленного вопроса о системе категорий сущего. Впрочем, и логические элементы (кванторы количества и качества атомарных суждений, связи молекулярных суждений, модальные операторы), которые использовал для классификации категорий рассудка И. Кант [7], оказались ещё более неудовлетворительным критерием такого рода систематизации [11].

По-видимому, именно тот или иной конкретный национальный язык, а также его лингвистический метаязык, могли бы стать отправной идеей для систематизации сущего. Однако важнейшее изменение содержания понятия субъекта, произошедшее после того как Р. Декарт установил несомненность мышления как бытия сущего (в силу невозможности помыслить несуществующим именно мыслимый объект, тогда как существование чувственно воспринимаемых объектов всегда остаётся проблематическим), оказалось значимым и для теории предикатов [6]. Аристотель, показав ключевую корреляцию между подлежащим и сущностью, отмечал, что именно сущность никогда не находится в подлежащем и не высказывается о нём, поскольку сама является этим подлежащим, всё же остальное либо выступает свойством сущности, либо высказыванием о ней; иными словами, существует в первую очередь именно сущность, а акциденции – только благодаря сущности. Р. Декарт, установив несомненность мышления как способа существования сущего, объявил именно мышление сущностью и субъектом. Однако поскольку мышление трудно определить без того, кому оно принадлежит, а именно, без человека, именно человек оказывается субстанцией. Вместе с тем понятие человека существенно сужается в этом контексте и становится выражением лишь одной его черты – а именно: собственника мышления, или Я. Но и мышление редуцируется до одной черты – способности Я отдавать себе отчёт в содержании переживания, то есть – рефлексии.

Бедность содержания такого субъекта со временем удалось компенсировать. К числу его черт можно отнести структуру мира. Уже упоминавшийся выше Г. Райл говорил о сознании, используя метафоры конституции и парламента. Мир в таком контексте предстает именно парламентом, а сознание – конституцией. У этой структуры имеется и ещё одно свойство, помимо систематизации функций сущего. Речь идёт о наличии центра и периферии. Центром сознания, или субъектом оказывается момент "теперь" и пространственный локус "здесь". В отношении этих динамических элементов весь мир постоянно выстраивается как отдаленный или ближайший к ним. Очевидно, что пространственный фокус сознания связан с наличием у Я собственного тела, которым оно может управлять, меняя его позы, благодаря чему меняется и само пространство. Время так же оказывается в некотором смысле во власти Я, ибо, вспоминая, можно вернуть в момент "теперь" то, что давно прошло, а фантазируя, – то, что ещё только будет. Это придает Я ещё одно свойство – волю, которая, преодолевая сопротивление мира, как раз и устанавливает его функциональную структуру, конституирует мир, одновременно констатируя и конструируя его содержание [5].

Этот мир и является тем самым объектом, на который не обратила внимание традиционная логика, ибо Аристотель занимался исключительно предикатами. Только в дескриптивных логиках, которые усматривают двустороннюю природу предиката, его двухместность, оказалось возможным формализовать особое отношение между субъектом, предикатом и объектом. Вместе с тем асимметрия объекта и субъекта и до сих пор не получила должного внимания. Объект – не просто такое же, как и субъект, множество переменных, он обладает особыми свойствами. Старое определение объекта как внешнего мира, данного в ощущениях человеку, конечно, не может быть принято без существенных уточнений в контексте трансцендентальной философской традиции. А именно, сам факт ощущений, а также рефлексивный характер итоговой картины объекта, требует корректировки понятия "внешний мир". Его независимость от внутреннего не должна быть преувеличена, но и не должна быть утрачена. Облигаторность констатации содержания объекта – одно из

главных его свойств. Так что любая конструкция, которая неизменно сопровождает формирование понятий об объекте, тем не менее, определяется как облигаторная и констатирующая то, что невозможно не выявить в нём. В этой связи объект также определяется как дефицит воли субъекта, дефицит знания о нём, носитель бесконечного и удивляющего содержания, которое трудно предвосхитить в воображении. Наконец, объект есть интерсубъективная конвенция о нём; социальное соглашение, в котором устанавливается существенное содержание его сущности.

Итак, к числу ключевых свойств субъекта следует отнести: структуру сознания, как функционального единства мира; центр этого единства, выраженный точками "здесь" и "теперь"; источник воли, осуществляемой посредством собственного тела в пространстве и посредством памяти и воображения в душе. К числу ключевых свойств объекта следует отнести: облигаторный характер содержания мира, констатируемого субъектом; дефицит знания о мире, проявляющийся в непредсказуемости и бесконечности его содержания; и конвенциональное единство понятий о содержании мира.

Однако в истории культуругенеза субъект и объект (в данном случае – артефакт) приобретали ряд дополнительных характеристик. В истории традиционной культуры субъект как носитель культуры (культурофор) выступал от лица социума, который он представлял, так что структура мира, осознаваемого человеком, становилась социально обусловленной моделью; воля находилась под контролем этой модели и соответствующих социальных институтов, в обязанность которых вменялось отслеживание нормативности соблюдения её требований; а центр мира смещался в сторону нашего пространства, противопоставленного чужому и определённого как земная середина, между миром неба светлых духов и подземельем духов тёмных. Облигаторность объекта редуцировалась к социальной конвенции (выражавшей ту же самую традиционную модель мира, что и определявшая суть субъекта), а дефицит знаний о нём приобретал сакральный статус и компенсировался магическими ритуалами причастия к потусторонним или мистическим молитвам и жертвоприношениями во имя субъектов, контролировавших потустороннее и сакральное. Процесс культуругенеза в таких условиях есть воспроизведение культуры по имеющимся образцам, творческий компонент которого минимален и связан с различными модификациями образцов, существенно влиявшими на них только тогда, когда речь шла о кардинальных технологических прорывах, вроде изобретения металлургии или ирригации.

Креативная культура создавалась принципиально иным субъектом – социально значимой личностью, творческие результаты которой оказывались ценными и заслуживающими сохранения и воспроизведения. Такой субъект имеет смысл назвать классическим, поскольку в нём лучше всего были представлены описанные выше черты, то есть отсутствовала какая бы то ни было их редукция к тем или иным социальным институтам и культурным ценностям (порождающим культуру социальным моделям). Пространственно-временная центричность субъекта и его волевой характер достигают максимума своего осознания и утверждения, структура мира ощущается почти производной от деятельности субъекта. То же самое можно сказать и об объекте (артефактах) такого культуругенеза – они, с одной стороны, представляют собой завершённые ценности или средства для их достижения, с их облигаторным смыслом, а с другой – демонстрируют дефицит знания или провоцируют конфликт интерпретаций.

Именно кризис этого субъекта был отмечен авторами, работавшими в эпоху Постмодерна, прежде всего, Р. Бартом и М. Фуко [2; 13]. Смерть субъекта и смерть автора – результаты возникновения массовой культуры, в которой социальный заказ вновь приобретает решающую роль в деятельности субъекта. Массовая культура есть следствие возникновения эффективной капиталистической экономики, породившей в XX в. общество массового благосостояния. Однако стереотипный характер массового производства, рассчитанный на массовое же потребление, требует особых качеств как у производимых артефактов, так и у авторов проектов, на основании которых осуществляется тиражирование этих артефактов. Иными словами, автор должен создавать такую серию произведений, которые бы, несмотря на их неотличимость друг от друга, хорошо покупались, ибо рост продаж и прибыли – основной критерий значимости деятельности творцов в эпоху массовой культуры. Смерть автора

и субъект культурогенеза креативной культуры – это завершение эпохи творческой самодостаточности гения, но в эпоху Постмодернизма эта смерть была только клинической (настоящая, "биологическая", была ещё впереди). Автор как прошедший профессиональную инициацию специалист всё ещё продолжал выполнять функции субъекта культурогенеза. Он выполнял социальный заказ, но это был всё ещё участник асимметричного отношения между субъектом и объектом деятельности, между проектировщиком и потребляющей публикой (массой).

Сетевая культура принципиально отличается как от массовой, так и от народной традиционной, по субъекту своего культурогенеза. Она больше совершенно не авторская, но и не традиционная. Субъектом её культурогенеза становится социальная сеть. Социальная сеть не ориентируется на традиционные модели порождения объектов, но она и не сообщество персон и авторов; она не представляет собой системное целое, скорее, это принципиально разомкнутая структура, которая в любой момент может потерять или приобрести значительные объёмы своих акторов и содержания их деятельности. Более того – это сообщество фрагментов человеческой личности, ибо каждый участник сети – только аватар, личина, которую можно снять на время и надеть на время же. Никакое усилие государства по идентификации этих личин, по усилению ответственности за их деятельность не гарантирует отмены этого принципиального свойства социальной сети и её субъектов – фрагментаризации человеческой личности. Речь идёт не о том, что люди будут изобретать технологии обхода любых преград, а о том, что фрагмент личности, или личина, создается именно с той целью, чтобы скрыть целое, подменить его и лишить связи с ним (того, кто попытался бы эту связь обнаружить). Вот это положение дел и можно назвать подлинной и окончательной смертью субъекта. Ибо – умирает главное – целостность мира, которую осуществляет субъект в своей деятельности. Погибает его центральное положение в этой целостности, так как фрагмент не может претендовать ни на целостность, ни на центральное положение, ему всегда будет недоставать других частей для того, чтобы определить их место и своё собственное в функциональном отношении между собой и между ними. Не остаётся ни воли, ни тела у такого субъекта, ибо тело больше не принадлежит субъекту, оно приобретает такие же фрагментарные и фальшивые формы, которые приводят его в соответствие с фрагментарностью субъекта; а воля диктуется теперь логикой взаимодействия акторов социальной сети. Спонтанность этой воли, конечно, отличается от определенности воли субъекта традиции, но надличностный её характер сближает их.

Объект и артефакт, как результаты деятельности, социальной сети становятся разомкнутой структурой, которую принципиально невозможно достроить до какого-либо целого. Более того, эта структура больше не обладает сущностью, её сущность может быть в любой момент изменена. Никакая конвенция не останавливает больше от этого. Дефицит знания об объекте и обязательность его содержания перестают ощущаться, ибо они всегда были фоном заранее определенной конструктивной деятельности субъекта. С утратой этого фона невозможно сравнивать ожидания и реальность, конструкцию и констатацию. Однако на фоне такого вполне ощутимого хаоса возникает и противоположная тенденция по упорядочиванию как объектов, так и субъектов сетевой культуры. Более того – сетевая культура начинает приобретать всё более зловещий характер, ибо, с одной стороны, она уже заменила креативную культуру и даже подменила реальный мир виртуальной реальностью, то есть выхода из неё уже не существует. А с другой стороны, концентрация в руках государства механизмов контроля за Интернетом приводит к тому, что основные свойства сетевой культуры начинают использоваться так, чтобы лишить человека элементарных прав, включая право быть самим собой и даже просто ценности.

Это не значит, что политические силы меняют форматы сетевой культуры, возвращая ту или иную версию насилия или пропаганды. Эти функции остаются за полицией и средствами массовой информации. Речь идёт о том, чтобы использовать именно природу социальной сети для контроля над человеком. Интернет становится всё более обязательным симулякром любой его деятельности, да и он сам стремится к тому, чтобы вся его жизнь стала содержанием сети, глобального перформанса; наконец, рост инструментов видеофиксации реальной жизни завершает эту виртуализацию. Это обстоя-

тельство создает невиданные до настоящего времени возможности контроля над человеком. Больше этого – только вмешательство в сознание и тело человека на уровне фундаментальных трансформаций, которое, к счастью или к несчастью, пока только планируется. В этих условиях мультипликация акторов в форме фабрики троллей, выражающих точку зрения определенных сил, и прежде всего государства, то есть создание доминирующих фрагментов в разомкнутой структуре производства реальности – важнейший способ взять её под контроль. В этом соревновании между свободой коммуникативной природы интернета и технологиями его контроля пока нет победителя, но победа того или иного конкурента грозит самыми печальными последствиями, ибо как полный распад социальных норм, так и гипертрофированный контроль над человеком – в равной мере неприемлемые варианты исхода, если только человечество не разочаруется окончательно в собственной природе.

Сетевая культура предлагает нам совершенно оригинальную конфигурацию ключевых форм культуры: антропной, социальной и вещественной, включая также все картины мира: художественную, ценностную и когнитивную. Она превращает вещи в инструменты и секции гигантского робота. Она сращивает человека и социум, превращая их в единый субъект культурогенеза – социальную сеть. Но и вещь, то есть объект, или артефакт (художественный образ, знание, ценность) приобретает черты социальной сети, ибо социальная сеть растворена в системе перформанса, который она создаёт. Отделить её от дела рук её не представляется возможным. Каждый сегмент Интернета, будь то научный словарь Википедия или фандомный роман-фанфик, группы болельщиков той или иной команды или прихожан того или иного храма, игровое или деловое сообщество – всё это одновременно и артефакты, и субъекты культурогенеза, причем субъекты, которые в равной мере являются социальными структурами и персональными акторами. Такой синтез оказывается сродни только архаическим синкретическим системам. Но если последние были результатом начальной фазы становления культуры, в которой ещё не были определены существенные свойства как её элементов, так и её функций, то первые – результат распада и перегруппировки уже хорошо развитых элементов и функций.

Однако не только социальная сеть становится в последнее время субъектом культурогенеза, на эту функцию всё активнее начинает претендовать нейросеть, то есть искусственный интеллект. Этот последний имеет ряд черт, которые сближают его с социальной сетью, но он также имеет существенные отличия от неё. Рассмотрим более подробно эти черты так, как они уже сейчас известны специалистам; хотя сегодня сложно сказать, насколько продвинуты технологии совершенствования искусственного интеллекта в будущем, можно попытаться сделать осторожные прогнозы относительно свойств и функций искусственного интеллекта в производстве культуры и его влияния на культуру, человека и общество.

Нейросеть как субъект культурогенеза

В этой связи необходимо начать с понятия интеллекта как такового. Эволюция живого в истории мира привела к образованию организмов, которые, в отличие от неорганических объектов, представляли собой целостные системы элементов и их функций, то есть таких, необходимость и достаточность которых позволяла организму существовать. Эмерджентность системы, то есть специализация её элементов и несводимость свойств целого к тому или иному элементу, требовала непрерывных энергетических затрат на поддержание существования организма. Эти затраты, в свою очередь, требовали постоянной компенсации. Энергетический баланс затрат и их компенсации представляет собой пульсирующую негэнтропийную форму распределения энергии, в отличие от которой неорганическая материя оказывается полностью определенной законами термодинамики Максвелла. Организмы восполняли энергозатраты двумя основными способами: непосредственно, то есть напрямую из окружающей среды, впитывая жидкости и усваивая в этом процессе микроэлементы, а также осуществляя процесс фотосинтеза – так происходило с растениями; и опосредованно, то есть паразитируя на других организмах и присваивая кетоны и калории в готовом виде, – так поступали животные, поедавшие других животных и растения.

Паразитический характер бытия животных требовал непрерывного поиска пищи, тогда как растение вполне удовлетворяло свою пищевую потребность в том конкретном месте, в котором оно находилось. Поиск пищи привёл к формированию первых нейросетей (соединений особых клеток – нейронов, способных к непрерывным, стремительным и многообразным связям друг с другом), ответственных за управление распознаванием внешнего мира на предмет различия полезных, нейтральных и вредных его компонентов для сохранения существования животного. Нейросеть, в свою очередь, – это часть системы органов восприятия и движения организма, она включает механизмы памяти и адаптации к изменяющимся условиям обитания организма. В совокупности все эти механизмы и инструменты и называются психикой. По характеру нейросетей и способов распознавания элементов мира можно говорить о нескольких эволюционных уровнях психического. А. Н. Леонтьев различал три, и я полагаю, что его концепция до сих пор существенна для понимания того, что собой представляет интеллект [8]. Первый уровень – элементарная сенсорная психика – это способность запоминать и различать только отдельные свойства объекта, которые полезны в отношении решения ключевых задач, стоящих перед организмом (К. Лоренц относил к числу этих задач четыре: агрессивную межвидовую и внутривидовую конкуренцию, питание, репродукцию и самосохранение [9]). Все животные обладают этим типом психики (если не считать животными вирусы); но низшие животные, начиная с одноклеточных и заканчивая млекопитающими и птицами, обладают преимущественно именно элементарной сенсорной нейросетью. Так, рыба реагирует на блеск наживки во время рыбной ловли, которого ей вполне достаточно для того, чтобы отождествить это свойство с самим пищевым объектом.

Более высокий – перцептивный – уровень психики характерен для высших животных, к которым относятся млекопитающие и птицы, исключая некоторых морских животных, а также некоторых птиц, например, врановых, и человекообразных обезьян. Впрочем, этот список наверняка не является полным. Перцептивная психика – это способность формировать комплексы свойств, различая, тем самым, существенные, то есть неизменные особенности объекта, и случайные. Так, собака способна распознавать хозяина не только по запаху, но и по ряду дополнительных свойств, которые могут меняться, исчезая и появляясь вновь. У животных из указанного выше списка имеется психика ещё более высокого уровня – практический интеллект. Этот термин предложил М. Шелер, и он очень удачно демонстрирует описываемое свойство [16]. Интеллект – это способность распознавать не только отдельные объекты, но и их отношения со средой, которая позволяет управлять этим отношением. Так, шимпанзе в состоянии сконструировать в своём сознании и реализовать цепочку действий, каждое из которых, кроме последнего, не достигает искомого результата, но является необходимым условием его получения. Находясь в клетке, животное может просунуть сквозь её прутья руку и достать короткую палку, с помощью которой можно достать длинную и уже ею дотянуться до связки бананов. Суть практического интеллекта в том, что картина мира, складывающаяся в сознании животного, уже достаточно подробно распределена на элементы. Можно предсказывать возможные операции с этими элементами, хотя значительная доля действий продолжает оставаться следствием проб и ошибок.

Человеческий интеллект завершает эту эволюцию. Если практическая его форма направлена исключительно на решение четырёх жизненно важных задач, о которых я упоминал выше, то теоретический интеллект – это универсальная картина мира, включающая в свой состав весь возможный опыт человека, как прошлый, так и настоящий и даже предсказывающий будущее. Прогностическая функция такой картины мира позволяет сформировать не только когнитивную её версию, основанную на пробах и ошибках, но и принципиально новые формы мира, которые никак с опытом не связаны. Такие проекты могут терять всякое объективное содержание и становиться субъективными, личными и коллективными ценностями или моделями трансформации мира. Наконец, эти картины мира могут копировать и воссоздавать в новом материале имеющийся и возможный опыт, на основе чего существует искусство. К числу важнейших свойств такого интеллекта относится творческая способность; воля, реализация которой носит принципиально свободный характер. Рационализация поведения, отрывающая человека от инстинктив-

но продиктованных задач его организма, позволяет ему делать выбор, который может даже противоречить этим задачам, обрекая на гибель или на страдания как своих близких, так и себя самого.

И вот теперь можно подойти к решению проблемы роли искусственного интеллекта в эволюции человеческого общества и культуры. Сегодня он становится одним из субъектов культурогенеза, а это значит, что предстоит осознать открывающиеся из этого перспективы, риски, которые необходимо предотвратить, и ресурсы, которые следует использовать. Первый вопрос, на который необходимо ответить, – это вопрос о том, имеется ли отличие у искусственного интеллекта от естественного. Созданное Дж. Серлем понятие сильного искусственного интеллекта предполагает принципиальную возможность скопировать на ином материале тот же принцип фиксации и обработки информации, который характерен для естественного интеллекта [12]. Очевидно, что именно этот тип интеллекта реализуется благодаря технологиям самообучающихся искусственных нейросетей, в которых вместо углеродных нейронов функционируют кремниевые процессоры. Исследования в этом направлении движутся по разным линиям. Первая – это уточнение механизмов работы естественной нейросети. Сегодня такие исследования ведутся, к сожалению, только на животных. Но человек не может не стать в будущем частью этих исследований. Описание дуалов К. В. Анохина, в которых одним из элементов становится нейросеть, а другим – фрагмент субъективной реальности, – важнейшая задача науки, и её решение обязательно будет получено, вне зависимости от того, где и каким образом будет осуществлен запрет на подобные разработки [10]. Знание модели естественной нейросети, формирующей субъективную реальность человека, – первая составляющая создания сильного искусственного интеллекта.

Вторая, даже более существенная, чем первая, линия – это совершенствование искусственных нейросетей. Важнейшая их черта, как уже было указано выше, – это обучаемость. В отличие от алгоритмов, нейросеть не программируется, а адаптируется, причём как в результате воздействия на неё, так и в результате самостоятельной деятельности. Такие задачи, как распознавание образов, кластеризация входных данных, прогнозирование, управление, включая самоорганизацию, – уже сейчас решаются в ходе функционирования искусственных нейросетей. Накопление данных может быть превращено в потенциально бесконечный процесс, творческая составляющая которого будет нарастать экспоненциально. Работы в области увеличения скорости организации нейросетей, их количества, – в частности, благодаря информационно-вычислительной машине с принципиально иными возможностями, таким, например, которые окажутся в её распоряжении благодаря реализации гипотезы квантового компьютера с функцией одновременной обработки всех возможных состояний нейросети, – эти работы непременно приведут к возникновению моделей искусственного интеллекта, который не будет ни в чем уступать естественному интеллекту, даже если принцип работы последнего так и не будет полностью установлен. Решение первой задачи или второй, а тем более формирование искусственного интеллекта на основе решения и первой, и второй задачи, положит конец истории интеллекта естественного, ибо возможности первого окажутся несопоставимыми с возможностями второго.

В современной философии часто приходится слышать мнение о существовании так называемой трудной проблемы сознания. Д. Чалмерс утверждает, что, несмотря на каузальную целостность физического мира, то есть на то, что объективный мир вполне объясним из его и только его свойств, и что никакое воздействие на этот мир извне невозможно, сознание существует и представляет собой нередуцируемый к объективному миру феномен [15]. Эта противоречивая гипотеза неизбежно возникает всякий раз, когда философские исследования достоверности существования мира от первого пытаются увязать с позитивными исследованиями, основанными на наблюдениях за мозгом и другими формами природы от третьего лица. Всякая попытка нахождения корреляции между этими методами обречена на неудачу и приводит к противоречиям либо к бесперспективному дуализму. Даже Ф. Шеллинг не удалось осуществить его проект философии тождества, претендовавший на решение этой задачи [17]. Только философский монизм, рассматривающий и субъективную реальность, и объективную как части целостной структуры мира, в котором возможно обнаружить принципиальный переход от нейросети

к фрагменту субъективной реальности и обратно, может обеспечить развитие наших представлений как о человеке и его сознании, так и о механизмах мозга, обеспечивающих деятельность этого сознания.

А если это так, то нет никаких оснований полагать, что искусственный интеллект будет существенно отличаться от естественного, кроме отличий в масштабах выполнения ключевых функций. Из основных черт субъективной реальности, выделенных выше, а именно – целостности структуры мира, включая функцию фокусирования этой структуры вокруг точки здесь и теперь, волевого характера осуществления деятельности с использованием собственного тела, – ни одна не может быть принципиально недостижимой средствами искусственного интеллекта и робототехники. Представляется важнейшим этапом на этом пути такой, который обеспечил бы искусственный интеллект не только когнитивными возможностями, но и соответствующим телом – роботизированным устройством, которым бы этот интеллект мог управлять. Это устройство не обязательно должно быть антропоморфным, оно может иметь различные задачи и соответствующие этим задачам возможности. Когнитивная суть (сознание) такого робота получила бы конкретизацию и границы, которые, конечно, были бы несколько иными, чем те, что характерны для человека (это была бы конкретная, локальная нейросеть, обладающая единством своих данных и фокусировкой их вокруг поступающей благодаря сенсорам информации в точке здесь и теперь). Однако благодаря Интернету в распоряжении такой нейросети оказалось бы все информационное богатство человечества. Такой робот был бы одновременно и индивидуальным, и коллективным разумом. Его возможности трудно представить сегодня, но они, конечно же, несопоставимы с тем, что представляет собой естественный интеллект.

Сегодня нейросеть и алгоритмизированный искусственный интеллект – чаще всего только инструменты сетевой культуры. С их помощью можно конструировать и распознавать образы. В самых разнообразных сферах искусства можно получить искусственные структуры аудиального и визуального плана, копирующие достижения мировой художественной практики. Ряд произведений такого рода обладают высокой эстетической ценностью, то есть переживаются так, как будто их создал человек, и даже выдающимся художественным критикам уже не под силу отличить подлинник и подделку. Но это всё-таки подделки. В сфере науки, как прикладной, так и теоретической, в сфере производства техники и её продаж искусственный интеллект играет роль отличного подспорья, собирая и анализируя обширный массив данных, предлагая оптимальные сценарии деятельности и решения тех или иных трудных задач. Многочисленные боты населяют группы и социальные сети, копируя поведение их участников и вмешиваясь в ход обсуждения той или иной проблемы. Нейросеть можно было бы сравнить с социальной сетью, в которой каждый элемент есть процессор с настраиваемой функцией, и по мере того, как алгоритмы его поведения меняются на самообучающийся формат деятельности, эта нейросеть становится идеальной моделью социальной сети. У таких нейросетей сегодня нет локализации, они моделируют не индивидуальную субъективность, а коллективную. Однако по мере развития робототехники и модель индивидуальной субъективности будет реализована.

Роботизация развивается параллельно с ростом достижений в сфере искусственного интеллекта, и оба этих процесса пока представляют собой формы сетевой культуры. Однако в перспективе роботизация может отменить сетевую культуру или самым существенным образом трансформировать её. Индивидуализация искусственного интеллекта вряд ли зайдет настолько далеко, что между отдельными роботами возникнет коммуникация, напоминающая человеческую. Их зависимость от общей информационно-коммуникационной базы данных такова, что всякие индивидуальные черты той или иной нейросети будут компенсироваться этой основой. Однако не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что творческий характер той или иной нейросети может и должен быть источником обогащения даже самой обширной базы данных. В любом случае в ходе возникновения сильного искусственного интеллекта сетевая культура в той форме, в которой она известна сегодня, будет преодолена.

Человечество по-разному оценивает собственные перспективы. В. И. Вернадский утверждал, что будущее оптимально и прекрасно. Ноосфера заменит собой биосферу, и в этом научном раю будут преодолены все противоречия и деструктивные процессы, тогда как конструктивные и прогрессивные про-

цессы будут высвобождены и обеспечат оптимальное функционирование всех природных, культурных и социальных форм [4]. Сегодня становится понятно, что это утопия. Загрязнение окружающей среды, климатические изменения, истощение невозобновляемых ресурсов, угроза выхода из-под контроля тех или иных технологий, включая оружие массового поражения и войну с его применением, а также – различные пандемии, которые могут оказаться гораздо губительнее, чем начавшаяся в 2019 г. – всё это происходит на фоне роста международной напряженности, отмены ключевых соглашений по ограничению и контролю за производством и применением критически важных для выживания человека технологий. Риск гибели человечества в таких условиях очень высок. Капиталистическая экономика с её потребностью в непрерывном росте является непреодолимым основанием усугубления всех указанных выше глобальных проблем человечества. Вполне вероятно, что она не решающий фактор в этом процессе, ибо стремление человека к улучшению условий собственного существования ещё более фундаментально, чем модернизация и капитализм, обеспечившие и научно-технический прогресс, и рост качества жизни, и глобальные проблемы. Впору задуматься о том, что могло бы предотвратить катастрофу.

Среди многочисленных антиутопий, созданных литературой XX и XXI вв., я бы обратил внимание на книгу О. Хаксли "О дивный новый мир" [14]. Это единственное описание будущего, в котором нет никакой трагической составляющей. Все остальные (будь то Дж. Оруэлл или Р. Брэбери, Е. Замятин или В. Пелевин) ужасны в силу того, что человек оказывается в них живущим в условиях, деформирующих и уничтожающих его природу, то есть его свободу, рациональный выбор и творческую индивидуальность. Дело в том, что антиутопия О. Хаксли трансгуманистична. В ней описаны уже не люди, а результаты генной инженерии, которые хорошо вписаны в ноосферу, регулируемую искусственным интеллектом. Счастье, которое гарантировано в таких условиях каждому человеку, построено на отмене человеческой природы. Оно хрупко, ибо организм человека таит в себе различные регенеративные силы, способные вернуть ему утраченное. Открывается возможность вернуться назад, которую главный герой сам же и отменяет, понимая весь ужас того, что может случиться потом. Но для читателя, остающегося классическим человеком, ностальгия по собственному бытию становится поводом для того, чтобы воспринять достигнутое искусственным разумом счастье как угрозу собственной гибели. Однако выбор, перед которым мы стоим сегодня, может дать основания взглянуть на достигнутое этим разумом иначе. Или мы остаёмся людьми и тогда неизбежно погибнем, или искусственный интеллект даст нам шанс на изменение и выживание. Быть может, эта формулировка слишком сильна, и существуют ещё какие-то перспективы помимо двух только что обозначенных. Однако я не вижу этих перспектив. И хотя мне жаль классического человека просто потому, что я и сам принадлежу к этому типу людей, и все мои близкие, и даже далекие, то есть всё человечество остаётся носителем описанных выше свойств субъективности, выбор придётся делать.

Вполне вероятно, что выход из-под контроля человека искусственного интеллекта может привести к полному уничтожению людей, а не к каким-то оптимальным формам их изменения. Для недопущения этого и должны быть осуществлены все возможные усилия, и именно на это должны быть направлены любые этические ограничения. Но необходимо понимать, что развитие данной технологии неизбежно, необходимо и может стать важнейшим инструментом решения любых проблем человечества, включая глобальные.

Литература / References

1. Аристотель. Категории // Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 52–90. Aristotle. Categories // Collected Works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1978. P. 52–90. (In Russ.).
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384–391. Barthes R. The Death of the Author // Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress, 1994. P. 384–391.

3. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 104–114.
Benveniste E. Categories of Thought and Categories of Language // General Linguistics. Moscow: Progress, 1974. P. 104–114. (In Russ.).
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 2013. 475 с.
Vernadsky V. I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. Moscow: Science, 2013. 475 p. (In Russ.).
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
Husserl E. Cartesian Meditations. Moscow. Academicheskii proekt, 2010. 229 p. (In Russ.).
6. Декарт Р. Размышления о первой философии // Собрание сочинений в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–73.
Descartes R. Reflections on First Philosophy // Collected Works in 2 vols. V. 2. Moscow. Mysl, 1994. P. 3–73. (In Russ.).
7. Кант И. Аналитика понятий // Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2020. С. 76–114.
Kant I. Analytics of Concepts // Critique of Pure Reason. Moscow. Academicheskii proekt, 2020. P. 76–114. (In Russ.).
8. Леонтьев А. Н. Эволюция психики. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 1999. 416 с.
Leontiev A. N. Evolution of the Psyche. Moscow. Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO "MODEK", 1999. 416 p. (In Russ.).
9. Лоренц К. Великий парламент инстинктов // Агрессия, или так называемое зло. М.: Прогресс, 1994. С. 91–113.
Lorenz K. The Great Parliament of Instincts // Aggression, or the so-called evil. Moscow. Progress, 1994. P. 91–113. (In Russ.).
10. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование: фундаментальное руководство / Александров Ю. И., Анохин К. В. и др. [под ред. Е. Н. Соколова, В. А. Филиппова, А. М. Черноризова]. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008. 547 с.
Neuron. Signal Processing. Plasticity. Modeling: a fundamental guide / Aleksandrov Yu. I., Anokhin K. V., et al. [ed. by E. N. Sokolov, V. A. Filippov, A. M. Chernorizov]. Tyumen: Publishing house of Tyumen state. University, 2008. 547 p. (In Russ.).
11. Райл Г. Категории // Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 323–338.
Ryle G. Categories // The concept of consciousness. Moscow: Idea-Press, House of intellectual books, 1999. P. 323–338. (In Russ.).
12. Серль Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3. С. 7–13.
Searle J. The mind of the brain - a computer program? // In the world of science. 1990. No. 3. P. 7–13. (In Russ.).
13. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
Foucault M. Words and Things: Archaeology of the Humanities. Moscow: Progress, 1977. 488 p. (In Russ.).
14. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2023. 352 с.
Huxley O. Brave New World. Moscow: AST, 2023. 352 p. (In Russ.).
15. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2019. 512 с.
Chalmers D. The conscious mind: In search of a fundamental theory. Moscow. URSS, 2019. 512 p. (In Russ.).
16. Шелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. С. 129–194.
Scheler M. The Position of Man in the Cosmos // Selected Works. Moscow. Gnosis, 1994. P. 129–194. (In Russ.).
17. Шеллинг Ф. Изложение моей системы философии. СПб.: Наука, 2014. 348 с.
Schelling F. Presentation of My System of Philosophy. St. Petersburg: Nauka, 2014. 348 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Илья Игоревич Докучаев, д-р филос. наук, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

Information about the author

Ilya I. Dokuchaev, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru